

1937 – 1938 годы – это время «расстрелянного возрождения» как в Украине, так и в Крыму. В 1938 году было принято решение о ликвидации школ национальных меньшинств, в частности немецких. Таким образом, все позитивные достижения в этнополитике, коренизации были перечеркнуты сталинизмом.

1. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГА АРК). – Ф. 137, оп. 7, д. 45, л. 18.
2. Там же. – Ф. П. –1, оп. 1, д. 1032, л. 13.
3. Там же. – Л. 18.
4. Материалы к отчёту правительства Крымской АССР VIII съезду Советов Крымской АССР. – Симферополь, 1931.
5. Козлов И. О национальном строительстве в Крыму. Переработанная стенограмма доклада на VI Объединённом Пленуме ОК и ОКК. – Симферополь, 1931.
6. ГААРК. – Ф. П.– 1, оп. 1, д. 1290, л. 40.
7. Революция и национальности. – 1933. – № 4.
8. Коренизация аппарата КрАССР (к вопросу о вовлечении трудящихся татар в производство, государственные, кооперативные учреждения и общественные организации). – Симферополь, 1929.
9. Там же. – С. 2.
10. ГААРК. – Ф. П. – 1, оп. 1, д. 1074, л. 4.
11. Там же. – Л. 15.
12. Революция и национальности. – 1934. – № 3.
13. Революция и национальности. – 1930. – № 1.
14. За коммунистическое просвещение. – 1932. – 7 апреля.

Пичуков В. П. (ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель)

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БССР И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В постановлении Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР «По докладу о хозяйственном и социально-культурном обслуживании немецкого населения в Союзе ССР» от 12 декабря 1929 г. отмечалось, что «бедняцко-средняцкие массы немцев с успехом проводят социалистическое переустройство деревни путём широкого развития коллективизации». 3 марта 1930 г. ЦИК СССР поручил ЦИКам союзных республик «обратить большее внимание на организационно-хозяйственное укрепление немецких колхозов» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 83. Л. 30; 2, Ф. 1235. Оп. 125. Д. 40. Л. 96]. Жизненные реалии опровергли официальный оптимизм. Немцы СССР противостояли коллективизации. Рассмотрим данный сюжет на материалах БССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., 3294 сельских немца – 69,2 % всех сельских немцев БССР, проживали на Мозырщине. Именно здесь находились два немецких национальных сельсовета БССР – Березовский и Анзельмовский (Роза-Люксембургский). Анализируя тревожное состояние с коллективизацией многонационального населения, ЦИК БССР в постановлении от 5 декабря 1930 г. обращал «особенное внимание на коллективизацию в немецких поселениях» [3, № 307].

Сельские немцы БССР стойко не желали коллективизировать свои хозяйства. Так, к концу 1928 г. в Березовском сельсовете «вопрос о коллективизации не ставился». Власти отмечали, что «большинство немецких крестьян настроено против колхозов». «Население за последние годы пообустроилось, несколько укрепило экономическое положение и сейчас абсолютно ничего не хочет знать об объединении в коллективы. ... Приверженность к индивидуально-собственническому хозяйству у немцев значительно сильнее, чем у прочего населения», – информация на начало 1930 г. К весне 1930 г. в Березовском и Роза-Люксембургском сельсоветах прошло до 20 собраний по вопросу коллективизации с участием районных и приехавших из Минска советско-партийных работников. «Однако голосование за организацию сельхозартелей всегда давало одни и те же результаты: почти единогласное голосование против. Мало того, немецкое население не хочет слушать и бесед о колхозах и всякое упоминание о последних возбуждает у них недоверие» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 67. Л. 236; Д. 102. Л. 20; 4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723.

Л. 9-10]. В январе 1931 г. на заседании Нацкомиссии ЦИК БССР по результатам перевыборов национальных сельсоветов акцентировалось, что немцы – жители Березовского сельсовета «о колхозе даже и слушать не желают, они не хотят идти в колхоз» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 104. Л. 19].

С 1931 г. власть постоянно подчеркивает необходимость «добиться решительного перелома в организации колхозов в немецких деревнях и создать все условия для втягивания основной массы немецкого ... крестьянства в колхозы». При этом большое значение придавалось и «женскому фактору» – «усилить активность трудящихся женщин, чтобы они являлись застрельщиками коллективизации». С этой целью власти пытались использовать различные формы работы среди немок-крестьянок, например, ознакомление их с передовыми колхозами в регионе и за его пределами. Так, в 1932 г. Национальная Комиссия ЦИК БССР организовывала экскурсию «трудящихся немцев БССР» в Республику немцев Поволжья. Для Лельчицкого района была выделена одна единица – для женщины-немки. При этом отмечалось, что «для выдвижения кандидатур для отправки на экскурсию необходимо подойти со всей серьезностью и выдвинуть лучших проверенных товарищей, которых бы по возвращении с экскурсии можно было использовать как актив в деле передачи опыта в развёртывании коллективизации среди трудящегося немецкого населения» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 28; Д. 107. Л. 306об. 5, Ф. 3650. Оп. 2а. Д. 6. Л. 17-18]. Но немецкая женщина не соглашалась играть роль социального «фактора» для преобразования немецких крестьян-колонистов в советских колхозников. «Когда учительница белорусской школы в сельсовете им. Розы Люксембург пытается прочесть женщинам про колхозы, про выгоды последних для улучшения положения женщины, то последние (немки. – В. П.) или не хотят слушать, а иногда попросту расходятся» (1930 г.) [4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 15] – характеристика властей типичного отношения женщины-немки к коллективизации.

Неприятие немцами крестьянами колхозной организации сельского хозяйства, на наш взгляд, было обусловлено рядом причин. Немцы, имевшие в основной своей массе устойчивые, рентабельные хозяйства, не хотели терять своей относительной, но все же экономической самостоятельности. Высоким уровнем развития отличалась кооперация в среде немецких крестьян-колонистов, – как потребительская, так и производственная. Успешно функционировали молочные общества (артели) – объединения по сбору и переработке молока. В Березовском сельсовете общество «Чырвоная кветка» на 1 января 1927 г. насчитывало 195 пайщиков, на 1 августа 1927 г. – 317, в 1928/29 г. объединяло 667 семей, в 1929/30 г. – 675. Молочная артель «Колонист» Анзельмовского сельсовета в 1927 г. объединяла 61-68 хозяйств, в 1928 г. – 165, в 1929 г. – 218, в 1930 г. – 250-268. Во всех указанных случаях количественно доминировали немецкие хозяйства. К 1930 г. молочные общества этих сельсоветов объединяли около 900 хозяйств, в том числе основную часть немецких крестьян Мозырщины. Официальный источник отмечал, что немецкое население охвачено обществами почти полностью и является главным сдатчиком молока [4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 1206. Л. 48; Д. 145. Л. 40; Д. 696. Л. 150; Д. 723. Л. 10, 50; Ф. 72. Оп. 1. Д. 191. Л. 4-5; 1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 67. Л. 241; Д. 92. Л. 67, 191; Д. 109. Л. 12 об.; 5, Ф. 69. Оп. 1. Д. 609. Л. 31-32].

К тому же экономически слабые, практически находившиеся на содержании государства первые колхозы не могли являться для немцев, с их высоким хозяйственным стандартом, примером преимущества коллективного хозяйства. «У немцев нет колхоза и как на диво все колхозы, находящиеся в соседстве с немцами, находятся в безхозяйственном положении», – отмечалось в отчете по результатам обследования Наровлянского района инструктором ЦИК БССР в феврале 1931 г. Как констатировало Наровлянское партийное руководство в марте 1932 г., в целом для местных крестьян-единоличников была характерна позиция, что «мы ещё не видели хорошего колхоза. Увидим, тогда пойдем (вступим. – В. П.)» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 17; 5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 161. Л. 26].

Также педантичные и законопослушные немцы, которые, по убеждению властей, «привыкли точно выполнять всякого рода постановления, но в то же время требуют такого же точного выполнения обещаний со стороны органов власти», убедились, что власть нарушает равновесие взаимных обязательств. В ряде официальных документов отмечалось, что «главным источником доходов для немцев-колонистов является обработка молочных продуктов, а не земледелие, вследствие чего немецкий крестьянин принужден покупать хлеб и другие ... продукты». При этом власть, «принуждая немцев продавать свои молочные изделия только в кооперацию», допускала сбои в снабжении немцев хлебом, другими продуктами питания, промтоварами, концентрированными кормами для коров. По данным на 1930 г., «лишь самые бедные крестьяне» получали по 6 кг муки в месяц по факту сдачи молочных продуктов, сдаваемое молоко

низко оплачивалось даже по мнению властей – 7 коп. за 1 л. Всё чаще практиковался принудительный ассортимент в кооперативных лавках – «покупаешь мыло, дают пудры в нагрузку». Часто товары, предлагаемые потребительской кооперацией, были низкого качества или не нужны крестьянам – «больше всякая посуда, водка, а не мануфактура (ткань. – В. П.)», «жёлтый крем для обуви, а жёлтых ботинок не носят». Естественно, что немецкое население было недоволено. Абсурдность данной ситуации признавалась даже органами ГПУ: «Выходит, что сдавая в кооперацию все излишки своего молочного хозяйства по твердым ценам, немцы-колонисты должны покупать хлеб на частном рынке по спекулятивным ценам» [1, Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 9-10; Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 19; Д. 111. Л. 9; 4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 12, 50].

Чаша терпения была не бездонна у покладистых немцев. В 1930 г. они сократили количество сдаваемой молочной продукции, а 16 июля 1930 г. прекратили сдачу молока в Роза-Люксембургском сельсовете. Эта «забастовка» (по определению властей) продолжалась несколько дней до нормализации (отметим, что временной) снабжения населения промтоварами [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 12 об.; 5, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 50].

Колхозное устройство было несовместимо и с глубокой религиозностью немцев. Так, немцы-баптисты проповедовали, что каждый, кто вступит в колхоз, будет иметь «печать на лбу». Эта аллегория, воплощавшая негативное отношение к контактам с официозом (отказ от различных подписей, паспортов, «запечатывания» договоренностей), по официальным данным, в первую очередь подействовала на немцев. Среди них распространилось мнение, что «в колхозах будут насильно заставлять отказываться от религии». С Украины доходили слухи о якобы изданном властями приказе, по которому «вступающие в колхоз могут 3 месяца верить в бога, а после должны отказаться от веры». Немцы интересовались у представителей власти – «а можно ли организовать религиозный колхоз?». По официальным данным, жена баптиста Лапса (кол. Хатки) в начале 30-х годов предостерегала женщин от вступления в колхоз: «Лучше умереть с голоду, потому что там могут заставить идти против религии» [1, Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 13; Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 11 об., 13; 6, Д. 12903-с.]. Усиление насилия над религией и церковью, совпавшее по времени со сплошной коллективизацией, не прививало симпатии к колхозам.

В 1930-1931 гг. в немецких крестьянских хозяйствах Мозырщины наблюдалась массовая распродажа и забой скота. По объективному мнению властей, основной причиной данного явления была боязнь раскулачивания и коллективизации. За первые 2-3 месяца 1930 г. в Роза-Люксембургском сельсовете было продано около 90 голов, в Березовском – около 250. В Хатковском сельсовете Наровлянского района за 1930 – начало 1931 г. убой молочного скота составил около 300 голов. Источник отмечает, что «на убой идет племенной скот высокого качества». Воистину нужны были веские причины, чтобы немцы-крестьяне пошли на такое. В 1931 г. на одно немецкое хозяйство Роза-Люксембургского сельсовета коров в среднем приходилось – 3,2, в 1933 г. – 1,5 [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 111. Л. 6; Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 10; 4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 6-7; 5, Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 67].

Преобразование немецкого крестьянина в советского колхозника не имело под собой добровольной основы. В октябре 1931 г. бригада ЦК КП(б)Б по проверке Ельского района отмечала, что сельсовет им. Розы Люксембург «колхозом не интересуется и игнорирует его. Председатель сельсовета заявляет: «Зарежьте, а в колхоз не пойду» [1, Ф. 6. Оп. 1. Д. 2932. Л. 59]. Нежелание вступать в колхозы было побудительным мотивом массового движения немцев за выезд в Германию. «Быстрый рост колхозного строительства привел к взрыву эмигрантских настроений среди немцев-колонистов», – отмечалось в докладной записке местного ГПУ в 1930 г. Многие немцы стали получать письма от родственников в Германии и Америке с приглашениями о выезде [1, Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 11]. В 1930 – 1932 гг. в немецких колониях неоднократно проходили многолюдные собрания. Избирались делегаты для обращения в германское посольство в Москве и консульство в Киеве, собирались деньги на поездки. Однако – безрезультатно. В конечном счёте, немцам разъяснили, что получить иностранные паспорта, визы и выехать могут только германскоподданные [6, Д. 12903-с.]. Таковых практически не было. Немцы не могли знать, что еще 24 января 1930 г. по линии ОГПУ БССР была спущена директива «решительно пресечь эмиграционное движение», которое квалифицировалось как «особая форма антисоветского движения» и было недопустимым и в экономическом, и в политическом отношениях [1, Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 1-2; 7].

Власть ломала крестьян, принуждая их вступать в колхозы. Использовались экономические (величина налога, выплачиваемого единоличниками, во много раз превышала налог на колхозников;

постоянно собирались различные «разовые сборы» – натуральные и денежные; для наиболее зажиточных крестьян вводилось так называемое «твердое задание» по сдаче государству сельскохозяйственной продукции; вершиной экономического насилия было «индивидуальное обложение» – налог, выплатить который могли лишь единичные хозяйства) и политические («раскулачивание» с высылкой крестьян, отдача под суд за невыплату налогов) методы давления. Так, на 1929/30 г. житель Роза-Люксембургского сельсовета Густав Эльке был обложен индивидуальным налогом на сумму 61 руб. 20 коп. вместо ранее установленного сельскохозяйственного налога в размере 13 руб. 35 коп. Его односельчанин Рудольф Матнер – соответственно 219 руб. 80 коп. вместо 23 руб. 95 коп. В 1931 г. Г. Эльке должен был выплатить уже 183 руб. налога, 183 руб. «самообложения» и 113 руб. 97 коп. страховки. Р. Матнер – соответственно 275 руб. 60 коп., 275 руб. 60 коп. и 83 руб. 02 коп. «Кулакам» этого же сельсовета Адольфу Заржицкому и Юлиусу Крейнику было начислено сельхозналога, добавлено сельхозналога и страховки соответственно: Заржицкому - 362 руб., 331 руб. 17 коп., 20 руб. 51 коп.; Крейнику – 224 руб. 40 коп., 224 руб. 40 коп., 33 руб. 08 коп. [4, Ф. 72. Оп. 2. Д. 39. Л. 38; Д. 57. Л. 31,52]. В 1933 г. из колхоза «Роза-Люксембург» были исключены 3 семьи «твердозаданников»: Густава Брандта, Владимира Папроцкого и Эвальда Крона [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 174. Л. 137].

Несмотря на все невзгоды, немцы держались за свою, пусть и деформированную властями, но все же хозяйственную самостоятельность. В своем антиколхозном противостоянии немцы лидировали в общей массе многонационального населения. В октябре 1931 г. Наровлянский РК КП(б)Б отмечал «безусловный сдвиг в отношении охвата колхозами польского и украинского населения района». При этом – «только среди немецкого населения дело коллективизации не получило должного массового сдвига» [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 123. Л. 345]. По данным на февраль 1932 г., при общем проценте коллективизации в Наровлянском районе – 29,3, в Березовском сельсовете было коллективизировано лишь 12 хозяйств из 324, что составляло 3,7 %. В августе 1933 г. в этом же сельсовете было коллективизировано 36 из 382 хозяйств. Процент коллективизации составлял 9,4 при общерайонном 31,2 [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 161. Л. 3; Д. 245. Л. 19].

Насилие власти над крестьянами вызывало протест и сильный отпор. 13 марта 1931 г. президиум Хатковского сельсовета единогласно, за исключением председателя сельсовета, высказался против дополнительных поставок хлеба государству (в связи с обращением X Съезда Советов БССР о «прорывах заготовки») и против выявления кулацко-зажиточных хозяйств. Из протокола заседания: «пусть стреляют, чем хлеб последний отдать, то лучше пусть застрелят», «у нас кулаков и зажиточных нет». Накануне, 12 марта, заседание сельсовета (из 21 члена сельсовета 5 – поляков, 4 – немца, 12 – украинцев) прошло аналогично. Присутствовавшие районные советско-партийные работники отметили: «Настроение собрания было явно антисоветским. ...Было большое возмущение коллективизацией со следующими выкриками: «не хочу идти в колхоз, что вы мне сделаете». Секретарь райкома партии постановил: «послать комиссию для «восстановления» советской власти». Президиум сельсовета был распущен [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 132. Л. 256-257об., 329; 1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 111. Л. 6]. В марте 1932 г. немецкий колхоз «Роза Люксембург» отказался от контрактации молока. В октябре 1934 г. общее собрание колхозников этого же колхоза не поддержало кампанию по «продаже излишков зерна государству». На повторное собрание не явился ни один член правления колхоза, за исключением председателя колхоза [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 167. Л. 65; Оп. 2а. Д. 37. Л. 568-568 об.].

По официальным данным в Роза-Люксембургском сельсовете в 1932 г. было «коллективизировано» 25 крестьянских хозяйств – 10 % от всех хозяйств сельсовета. При этом в колхозах не было ни одной немецкой семьи. В 1933 г. в колхозах находилось 38 хозяйств – 17,5 % от общего количества, в том числе одно немецкое хозяйство. В ноябре 1934 г. – 87 хозяйств (41,4 %), из них – 30 немецких. В Наровлянском районе в 1934 г. из 430 немецких семей в колхозах находилось 46, причем 28 из них вступило в колхозы в этом же году. С удовлетворением отмечаемый властями «надлежащий сдвиг – перелом по коллективизации немецкого крестьянства» в 1934 г. был вызван голодом 1932-34 гг. и массовыми репрессиями немецкого населения с осени 1933 г. [5, Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 1; Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 54].

Во время голода, охватившего и Мозырское Полесье [8], обсуждение ситуации, сложившейся в среде немецкого населения, становится злободневным и регулярным на всех уровнях советско-партийного руководства – от местных райкомов партии и райисполкомов до Бюро ЦК КП(б)Б. Оказывается целенаправленная финансовая, продовольственная помощь, списывают-

ся прежние кредиты, проводится значительная работа по усилению кадрового состава советских, партийных, хозяйственных работников в немецких сельсоветах. В апреле 1934 г. секретарь Наровлянского РК КП(б)Б докладывал в ЦК КП(б)Б, что местное белорусское, польское, украинское население «ревнует немцев» в связи с большей помощью, в частности, продовольственной, оказываемой властями последним. При этом местное руководство отмечало, что «при выдаче продовольственной помощи *в порядке ссуды новым колхозникам* (выделено нами. – В. П.), у нас есть реальная возможность *втянуть в колхозы* этих сельсоветов большее количество единоличников» [5, Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 30, 56].

Безусловно, продовольственная помощь в условиях, когда смерть от голода становилась в регионе всё более распространенным явлением, несколько нейтрализовала антиколхозное противостояние немцев. Тем не менее, основным рычагом «втягивания» немцев в колхозы явились чрезвычайные меры – репрессии.

В первой половине 30-х гг. органы ОГПУ провели ряд операций по аресту местных немцев из Наровлянского, Ельского, Лельчицкого, Василевичского (Речицкого) районов – якобы участников самими же органами придуманных, инспирированных «антисоветских, контрреволюционных организаций». Оперативно-следственные названия этих «организаций» красноречиво свидетельствуют о характере инкриминированных обвинений: «контрреволюционная группировка из состава бывших кулаков и руководителей религиозных общин» (1932 г.), «бандгруппа из бывших и настоящих кулаков», «немецкая контрреволюционная повстанческая фашистская организация» (1933 г.), «немецкая националистическая диверсионно-повстанческая организация» (1934 г.) и т. п. Наряду с предъявляемыми обвинениями в антисоветском характере кампании обращения за помощью в зарубежные организации во время голода 1932-34 гг. [9], контрреволюционной деятельности религиозного руководства немецких общин, попыток организации массового эмиграционного движения, диверсиях и т. д. основной фабулой-штампом проходит обвинение в «противодействии всем мероприятиям Советской власти, проводимым в деревне, и особенно коллективизации». В следственных делах приводятся примеры антиколхозной мотивации: «колхозники – советские рабы», «коллективизация довела всех до голода», «все немцы (местные. – В. П.), состоящие в колхозах – враги немецкого народа», «лучше умру, но в колхоз не вступлю, душа колхозника в рай не попадёт, колхозы – это пекло», «если мы вступим в колхозы, нас всех будут жечь на костре». Отмечаются конкретные результаты антиколхозного противостояния. Так, на июль 1932 г. ни один из 2027 немцев-крестьян Роза-Люксембургского сельсовета не состоял в колхозе. По данным на февраль 1934 г. в этом сельсовете «коллективизация проведена на 1,8 % и колхоз «Ротэ Фанэ» в 1933 г. развален». Подчеркивается «антиколхозная активность» религиозного актива. Из 35 немцев – членов общины баптистов Лельчицкого района (д. Дубровка, Дубницкое, Средние Печи) на февраль 1933 г. колхозником не был ни один. По информации на начало 1934 г. два раза предпринималась и провалилась попытка организовать колхоз из немцев – жителей х. Заходы Речицкого района из-за «происков сектантов».

В итоге арестованные, как правило, подвергались заключению в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) на разные сроки. А в начале 1934 г. 6 местных немцев из осужденной группы в 15 чел. получили приговоры от 8 лет ИТЛ до расстрела в том числе и за «призывы к невступлению в колхозы и выходу из колхоза колхозников» [6, д.10757-с, 11853-с, 12169-с, 12903-с, 15129-с, 16568-с, 17070-с, 17296-с].

1934 г. можно считать веховым в «приобщении» немцев к колхозам. В ноябре 1934 г. секретарь Ельского РК КП(б)Б докладывал, что «до 1934 г. коллективизация проходила только среди белорусского и украинского крестьянства. ...И только вторая половина 1934 г. дала надлежащий сдвиг – перелом по коллективизации немецкого крестьянства». В это время в Роза-Люксембургском сельсовете имелось 2 колхоза: «Шлях Рэвалюцыі» – интернациональный (20 немецких хозяйств из 74 хозяйств колхоза, организован в 1930 г.) и «імя Тэльмана» – немецкий (10 немецких хозяйств из 11, организован в октябре 1934 г.) [5, Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 1].

В Березовском сельсовете на декабрь 1934 г. наблюдается следующая картина. В Березовке – колхоз «імя Розы Люксембург» (16 из 23. Всего немецких хозяйств в деревне – 62. Организован в 1931 г.). В Осиповке – 40 немецких хозяйств из 80 были организованы в 2 колхоза: «Красны каланіст» (28 хозяйств, организован в 1933 г.) и «імя Тэльмана» (12 хозяйств, организован 3 декабря 1934 г.). В Майдане (62 немецких хозяйства), в Антоновке (70), в Красиловке (40) колхозов не было. В Хатках Хатковского сельсовета в это же время в интернациональном кол-

хозе «Новая Искра» было 64 немецких хозяйства из всех 84 хозяйств немцев этого населённого пункта. Обобщая ситуацию с коллективизацией немцев в Наровлянском районе в целом, начальник местного райотдела НКВД отмечал, что в колхозах находится 36 % немецких хозяйств. При этом 25 % – только вступивших, «после ликвидации (подчеркнём, очередной. – В. П.) к/р формирований» [5, Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 57. Л. 10-11].

На «Схематическом чертеже земель колхоза «Шлях Рэвалюцыі» Роза-Люксембургского сельсовета», датированном 1 марта 1935 г., среди колхозных земель отмечены массивы и дисперсные участки единоличников: Драта Адольфа и Рейнгарда, Верман Герты и Гульды, Бубольца Ивана, Педа Альберта, Лангаса Августа и Карла и др. [4, Ф. 75. Оп. 1. Д. 162. Л. 1].

При компактном проживании немецкого населения в Мозырском регионе именно здесь находились практически все немецкие национальные колхозы БССР. По данным на 1935 г., из 10926 колхозов республики 246 колхозов были национально польскими, 25 – русскими, 19 – украинскими, 10 – немецкими [1, Ф. 4. Оп. 3. Д. 247. Л. 79]. На 1 января 1936 г. в Мозырском округе имелось 8 национальных немецких колхозов: 2 («Шлях Рэвалюцыі» и «імя Тэльна») в Роза-Люксембургском сельсовете и 6 («імя Розы Люксембург», «імя Карла Лібкнехта», «Чырвоны камуніст», «Новы Майдан», «імя Тэльна», «Новая Антоўка») – в Березовском. Аналогичная картина наблюдается и на 1 сентября 1937 г. – те же колхозы при отсутствии «Чырвонага Камуніста» [5, Ф. 69. Оп. 3. Д. 58. Л.222-223; Оп. 4. Д. 87. Л. 1]. В конце 1937-38 гг. устраняется само понятие «национальные колхозы» одновременно с реорганизацией национальных школ в обычные, усилением практики «денационализации» национально-культурных автономий – сельсоветов, местечковых советов.

В арестах, проводимых органами НКВД в среде местного немецкого населения во второй половине 30-х гг., ярко выражен «антиколхозный след». Так, в 1936 г. в Ельском районе была «вскрыта» очередная «контрреволюционная националистическая группировка из немцев-единоличников». Помимо прочего арестованные в разные годы и по разным «операциям» НКВД обвинялись в «срыве коллективизации немецких хозяйств» (1935 г.), «разложении колхозов» (1937 г.), «активной вредительской деятельности в колхозе» (1938 г.). По данным следствия и обвинения на 1936 г. в д. Антоновке в колхозе состояло 28 немецких хозяйств из 58. В д. Красиловке этого же Наровлянского района 15 хозяйств немцев-единоличников к июлю 1938 г. не вступили в колхоз [6, д. 10007-с, 11376-с, 13834-с, 17113-с, 18319-с].

В целом сочетание понятий «местные немцы-крестьяне» и «колхоз» представляет собой ярко выраженную антиномию.

Коллективизация являлась для немцев конкретным выражением формировавшейся «оси зла» в проводимой по отношению к ним государственной политике. Как немецкое население все более становилось для власти «неудобным этносом», так и власть для немцев всё более олицетворялась с насилием, очередной раз реализованным в депортации немецкого населения БССР в связи с началом Великой Отечественной войны.

1. Национальный архив Республики Беларусь.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Сбор законаў БССР. №38. 15 сьнежня 1930 г. Add. II.
4. Зональный государственный архив в г. Мозыре.
5. Государственный архив общественных объединений Гомельской области.
6. Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области.
7. Пичуков В. П. Миграции немецкого населения белорусского Восточного Полесья в 20-30-е годы XX в. // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур. Мат. междунар. научно-теорет. конф. Витебск, 2003. С. 167-168.
8. Пичуков В. П. Немецкое население Мозырского Полесья в условиях голода 1932 – 34 гг.: экологический и социальный аспекты // Гомельщина: Экологические проблемы региона и пути их решения. Мат. Гомельской обл. научно-практической конференции (14 апреля 2004 года). Гомель, 2004. С.79-84.
9. Пичуков В. П. К вопросу о политических репрессиях в БССР в 1930-е гг. в связи с немецкой благотворительной помощью // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур. Мат. междунар. научно-теорет. конф. Витебск, 2001. С.103-105.